

А. А. Обрезков

ЯЗЫКОВЫЕ КАРТИНЫ МИРА: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Статья посвящена философскому осмыслению феномена языковой картины мира. Делается вывод об эвристичности понятия «языковая картина мира» в исследовании общей картины мира. Предложен компаративистский анализ языковой картины мира (ЯКМ) и научной картины мира НКМ в рамках концепции уровней картин мира. Оппозиция «НКМ – ЯКМ» представлена в качестве когнитивной основы эволюции сознания.

Ключевые слова: *языковая картина мира, интерсубъективная среда, метасубъективная среда, индивидуальная языковая картина мира, научная картина мира, национальная языковая картина мира, иерархия.*

A. A. Obrezkov

LINGUISTIC WORLD PICTURES: THE VIEW OUTWARD

The article is devoted to the philosophical reflection on the phenomenon of linguistic world picture. The author comes to the conclusion that concept «linguistic world picture» has a heuristic potential in the study of the general world picture. A comparative analysis of the linguistic world view and the scientific world picture is offered. The opposition of the linguistic world picture and the scientific world picture is considered as the cognitive basis of the consciousness evolution.

Keywords: *linguistic world picture, intersubjective medium, metasubjective medium, individual linguistic world picture, scientific world picture, national linguistic world picture, hierarchy.*

Материал поступил в редакцию 25.12.2015; рекомендован к публикации 14.01.2016. Рецензент от редакционной коллегии журнала – доктор филологических наук, профессор А. Г. Гачева.

В настоящее время понятие «языковая картина мира» прочно вошло в научный оборот, будучи теснейшим образом связано с идиоэтническим и антропологическим направлениями в языкознании и лингвофилософии, которые в свое время определил Вильгельм фон Гумбольдт. На протяжении XIX – начала XXI веков мысль о языковых картинах мира так или иначе обнаруживала себя в трудах таких мыслителей, как А. А. Потебня, Л. Блумфилд, Э. Сэпир, Б. Ли Уорф, Й. Л. Вайсгербер, Л. Витгенштейн, Н. Хомский, А. Вежбицкая, Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова, А. Н. Леонтьев, Г. В. Колшанский и другие. Вместе с тем механизмы формирования языковой картины мира ещё далеки от понимания.

В последние годы актуальность понятия «языковой картины мира» становится предельно очевидной в связи с миграционными процессами в мире, вызванными стремительными социально-политическими изменениями. Хлынувшие в Европу потоки беженцев из арабоязычных стран со временем могут привести к качественным изменениям этно-языковой идентичности некоторых традиционно живущих на европейском пространстве народов. В этой связи вопрос языковой картины мира способен эволюционировать в серьезную этно-политическую, лингвокультурологическую и философскую проблему, требующую новых, оригинальных подходов. В настоящем мини-исследовании осуществляется попытка эксплицировать сущностную, онтологическую основу языковой картины мира (ЯКМ) и ее место в иерархии картин мира.

Сложность рассмотрения языковых картин мира вытекает из неоднозначности определения экстенционала понятия «языковая картина мира» в силу того, что представители разных научных дисциплин наполняют его различным содержанием. Кроме того, не добавляет определенности адресное соотнесение данного понятия: наряду с традиционным приписыванием языковой картины мира определенному этноязыковому коллективу – этносу, нации, речь может вестись в отношении языковых картин мира социальных, религиозных, профессиональных групп, отдельных семей и даже отдельных индивидов. Центральной же фигурой при рассмотрении любых уровней языковых картин мира, конечно же, выступает человек – главный «художник» и действующее лицо формирующихся ЯКМ, что с необходимостью предполагает рассмотрение антропологически обусловленных свойств языка.

Это представляется важным в силу неоднородности свойств «естественного» языка у человека, поскольку в то время как некоторые черты человеческого языка являются уникальными, другие могут быть свойственны всем или многим знаковым системам [4, с. 10]. Сам же язык, как отмечает В. И. Постовалова, «...непосредственно участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира, один из наиболее глубинных слоев картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, принося в него черты человека, его культуры. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт» [4, с. 11].

Рассматривая такое образование, как языковая картина мира, следует иметь в виду, что, как совершенно справедливо отметил О. А. Корнилов в своем исследовании, мы не можем говорить о ней как об объективном явлении [2, с. 4]. Это умозрительное, субъективное понятие, обозначающее некую совокупность таких же умозрительных составляющих. Введение понятия «языковая картина мира» – это результат культурно-философского подхода к языку, рассматривающего его не просто как инструмент для выполнения определенных функций, но как продукт культурного развития того или иного народа, результат освоения и творческого осмысления окружающего мира. Отсюда понимание национально-языковой картины мира как неповторимого результата «мыслительно-эмоционального и духовного творчества конкретного этноса», его коллективного органа «самопознания собственной культуры на фоне пространственно-временного континуума» [2, с. 137].

В отличие от научной картины мира языковая картина мира далека от того, чтобы объективно отражать окружающую действительность. Используя традиционную метафору последователей нейро-лингвистического программирования, можно сравнить языковую картину мира с картой той или иной территории. А карта, как известно, это не сама территория. Совокупность же разных карт дает более или менее объективное представление об обозначаемой местности. Языковая картина мира априорно субъективна, во многом даже антинаучна и алогична, более того, в большой степени мифологична, однако ей нельзя отказать в образности, метафоричности и некой житейской мудрости. Кроме того, несмотря на субъективность, языковая картина мира той или иной

нации вполне объективно воздействует на формирование картин мира представителей соответствующего сообщества, являясь интер- и метасубъективной средой, в которой происходит становление как отдельных индивидов, так и различных социальных групп.

С одной стороны, национально-языковая картина мира является результатом языковой деятельности этноса, коллективного творчества разных поколений отдельных представителей языкового сообщества и различных социальных групп, с другой, – она незримо воздействует на носителей языка, во многом предопределяя их мировидение и обеспечивая с их помощью своё развитие. Продолжая цепь абстрагирования (или, что вернее, реконструируя её начало), мы приходим к выводу о существовании индивидуальных языковых картин мира и картин мира, создаваемых различными структурными составляющими сообщества – семьями, социальными и профессиональными группами, слоями общества.

Отсюда – размышления о наличии у каждого человека, по большому счету, его собственного языка в пределах родного. С одной стороны, индивидуальный язык – это часть соответствующего этнического языка, отражающая общее мировидение данного народа и особенности общего с другими языками, с другой – это отражение своего личного неповторимого опыта освоения языка, заключающегося, в том числе, в особенности освоения окружающей действительности и включения в иерархию языковых картин мира, т. е. в формировании своего аутентичного мировидения. Языки, таким образом, в некотором роде являются «самостоятельными творениями индивидов» [5, с. 129]. Во многом именно интерференция индивидуальных языков и языковых картин мира является той основой, на которой зиждется национальная, а в итоге и общечеловеческая картина мира.

Естественно, говоря об «индивидуальном языке» не обойтись без ссылки на размышления Л. Витгенштейна. В «Философских исследованиях» философ, по сути, отрицает возможность наличия подобного языка на том основании, что, по его мнению, «слова такого языка должны относиться к тому, о чем может знать только говорящий, к его непосредственным, личным впечатлениям. Так что другой человек не мог бы понять этого языка» [1, с. 170]. То есть Л. Витгенштейн интерпретирует понятие «индивидуальный язык» буквально как автономную знаковую систему, искусственно созданную индивидом для выполнения неких специфических, значимых только для него,

функций, своеобразный персональный секретный код. История знает примеры создания подобных кодов для сохранения тайных знаний или сокрытия важной информации от недоброжелателей, и в этом смысле едва ли можно с полной уверенностью утверждать, что такой язык невозможен. С другой стороны, философ полагает существование подобного языка немислимим в силу того, что все участники общения на конкретном этническом языке придерживаются определённых инвариантных правил и норм, составляющих грамматическую основу данного языка. Впрочем, необходимо учитывать специфическое понимание Л. Витгенштейном правил языка. Мы придерживаемся понимания концепта «индивидуальный язык» не как конкретного языка или знаковой системы, но в качестве некоего условного образования, схожего с идиолектом, но шире его содержательно, своеобразного субъективированного варианта соответствующего этнического языка, средства языковой и в целом персональной аутентификации, строительного материала для формирования разных уровней иерархии языковых картин мира.

Индивидуальный язык, в нашем понимании, – это во многом продукт личного творчества, воплощение оригинальности освоения окружающего мира и языка своего этноса. Это обретение своего неповторимого языкового стиля, почерка, отражающих особенности характера, темперамента, умственной организации, воспитания, образования, наследственности и т.д. Становление индивидуального языка едва ли поддаётся какому-либо объективному наблюдению, поскольку в каждом конкретном случае оно происходит совершенно неповторимо. Индивидуальный язык знаменует собой рождение новой индивидуальной языковой картины мира и, если угодно, её частичную реинкарнацию в языках и картинах мира своих отпрысков и ближайшего окружения.

Таким образом, человеческий язык можно представить в виде сложной совокупности языковых картин мира разного уровня, однако, прежде чем зафиксировать эти уровни, необходимо определиться в отношении ключевого понятия. Несмотря на достаточно большое внимание к феномену, термин «языковая картина мира» преимущественно определяется опосредованно, часто метафорически, например, как «сетка координат, улавливающая мир» или «очки», через которые видят мир представители данной культуры, и благодаря которым видят в этом мире только *то* и только *так*, как и другие носители таких же «очков». Такой «сеткой координат» полагается национальный склад

мышления, который зафиксирован в национальном языке представителей данной культуры [2, с. 77]. О. А. Корнилов предлагает определять языковую картину мира как «ЗАПЕЧАТЛЁННЫЙ В СЛОВАХ, социально наследуемый (т. е. передаваемый от поколения к поколению) "слепок" ... национального образа мира, как самый главный фактор, предопределяющий и гарантирующий воспроизведение в относительно неизменном виде национального образа мира в сознании сменяющих друг друга поколений представителей данной национальности, носителей данной культуры» [2, с. 81]. Он же предлагает различать следующие уровни картин мира:

1. Научная картина мира (НКМ) – инвариант **научного знания человечества о мире** на данном историческом этапе, результат отражения пространственно-временного континуума коллективным научным сознанием.

2. Национальная научная картина мира (ННКМ) – инвариант научного знания о мире в **языковой оболочке конкретного национального языка**, т.е. НКМ, запечатлённая в терминосистемах (языке науки) того или иного национального языка.

3. Языковая картина мира (ЯКМ) – результат отражения объективного мира **обыденным (языковым)** сознанием того или иного языкового сообщества.

4. Национальная языковая картина мира (НЯКМ) – результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием конкретного языкового сообщества, **конкретного этноса**.

5. Индивидуальная национальная языковая картина мира (ИНЯКМ) – результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием **отдельного человека** – носителя того или иного национального языка [2, с. 112–113].

О. А. Корнилов, таким образом, склоняется к определённой иерархичности языковых картин мира от наиболее субъективированных до максимально объективных. Следуя принципу «бритвы Оккама», автор опустил в данной классификации множество промежуточных звеньев, как, например, языковая картина мира профессиональной, социальной группы, религиозного сообщества и другие, обращая внимание на главное – оппозицию научной картины мира, представляющей собой во многом искусственное, во всяком случае, максимально упорядоченное, образование, и языковой картины мира, возникающей на основе ретенций, т.е. воспоминаний об ощущениях и

впечатлениях, во многом хаотично, стихийно, под влиянием меняющейся обстановки формирования мировидения, окружающих индивида людей и аутентичного опыта освоения действительности через язык и коммуникацию и языка через вписанность в предметно-социальную действительность.

В данном контексте представляется логичным затронуть проблему языкового детерминизма. Если соответствующая языковая картина мира представляет собой среду, в которой формируется индивидуальный язык и индивидуальная ЯКМ, то получается, что следует признать полную правоту Б. Уорфа и его сторонников, полагавших, что язык той или иной нации предопределяет мировидение его носителей. Однако категоричных заключений, как нам представляется, здесь быть не может именно в силу большого разнообразия вариаций ЯКМ, имеющего причиной чрезвычайную сложность – во-первых, психической организации человека, во-вторых, сложность и неоднозначность самого социума, благодаря чему на протяжении жизни индивид может неоднократно менять, если можно так сказать, ЯКМ-парадигму, попадая в разные обстоятельства, под разные влияния и т.д.

И здесь мы вынуждены обратиться к соотношению инвариантного и вариативного. Под инвариантным было бы логичным полагать национальную ЯКМ, которая в данном случае выступает синонимом пресловутому национальному менталитету, такому же субъективному образованию. Однако как совместить в этом понятии, скажем, ЯКМ профессора физики и ЯКМ матерого вора в законе, ЯКМ жителя захолустной деревни и ЯКМ коренного жителя Москвы, ЯКМ религиозной секты и ЯКМ воинского коллектива? Что может составлять основу, стержень, ту самую инвариантную основу широкого понятия «национальная языковая картина мира»? И есть ли он, этот стержень? Первое, что приходит на ум, – это язык, объединяющий всех представителей того или иного этноса. Однако и он неоднороден, состоит из самых разнообразных диалектов, социолектов, идиолектов и т.д. Есть еще литературная норма, однако, как это ни парадоксально и печально, чем более цивилизованной себя считает нация, тем больше пренебрежения именно к этой, нормообразующей и стабилизирующей, части национального языка, о чём говорят вопиющие примеры массовой полуграмотности не только в нашей стране, но и в других «больших» странах, скажем, в США. И как быть с продуктами глобализации в виде массовых перемещений представителей одних национально-территориальных образований в другие, причем кардинально

отличные по устоявшимся традициям и менталитету? Что же в итоге может являться детерминирующим фактором?

В. фон Гумбольдт, Й. Л. Вайсгербер и многие другие называли это «национальным духом». Однако в свете сказанного выше данное понятие теряет актуальность. Размышляя в терминах синергетики об энтропии в языке, приходится констатировать, что в мире наблюдается все более нарастающая тенденция к утрате этнической и этноязыковой идентичности. Пионерами в этом процессе еще двести лет назад стали космополитичные США. В наше время практически все «цивилизованное» (проевропейское) пространство, за исключением большей части арабского, и в целом исламского мира, все больше интернационализируется, подвержено взаимопроникновению языков и культур, «обрастает политкорректностью».

Какой же вывод может следовать из этих размышлений?

Нарастающие энтропийные процессы в динамично глобализующемся мире постепенно делают нерелевантными такие понятия как «национальный дух» или «национальная языковая картина мира». При этом относительно нейтральное понятие «языковая картина мира» остаётся актуальным именно в силу своей размытости, субъективности. Каждый человек, каждое сообщество рисует «карту» или, по выражению А. Н. Леонтьева, «образ мира» и строит свою жизнь в соответствии с этим образом, который, в свою очередь, подвержен коррекции по мере обретения опыта, зрелости, знаний, контакта и интерференции с другими «образами мира». И в этом смысле оппозиция «языковая картина мира – научная картина мира» составляет основу эволюции, поскольку имеет место их постоянное взаимное влияние. Хотя О. А. Корнилов и полагает, что эти два вида картин мира «существуют параллельно, влияя друг на друга, но сохраняя свое принципиальное отличие», являясь конструктами «РАЗНЫХ ВИДОВ СОЗНАНИЯ РАЗНЫХ СОЦИУМОВ НА РАЗНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭТАПАХ» и имея разные функции [2, с. 19], мы считаем, что они необходимо связаны отношениями преемственности, поскольку научная картина мира не формируется на пустом месте; она должна на что-то опираться. Основные строители НКМ, учёные, не живут в изоляции от социума, таким же образом вписаны в обыденную ЯКМ, как и «простые смертные», что в той или иной степени отражается на их научных изысканиях. С другой стороны, без обратного влияния НКМ языковые картины мира так и оставались бы на уровне средневекового мифологизма. Следовательно, наряду с параллельным

существованием и эволюцией НКМ и ЯКМ нельзя сбрасывать со счетов их всё более активные пересечения, особенно имея в виду все большую информационную открытость научной сферы для пытливых обывателей и активную популяризацию передовых научных достижений (к примеру, сегодня едва ли найдется житель цивилизованной страны, не имеющий представления о клонировании, генетически модифицированных продуктах или нанотехнологиях). При этом оба феномена имеют тенденцию к все большей интернационализации, находясь в самом центре пересечения культур и языков в силу в том числе всё возрастающей доли би- и полилингвального населения, особенно в крупных мегаполисах Америки, Европы, Азии. Как отмечает О. В. Лещак, «показательно, что учёные (а также представители деловой сферы) и художники (а также журналисты и политики), будучи носителями разных национальных языков и представителями различных этнических культур, тем не менее находят общий язык именно за счёт значительной унифицированности и интернационализированности их картин мира. Их научные или образные картины мира представляют из себя функциональное отношение между национально специфицированной обыденно-мифологической картиной мира (максимально отражённой в их языковой картине мира) и некоторой интернациональной научной или образной картиной мира, уже созданной их предшественниками. Эти национально специфицированные картины мира (научные или образные) подвергаются влиянию со стороны родной национальной обыденной картины мира, а также со стороны интернационализированной традиции. Поэтому часто именно диглоссанты выступают посредниками как изменения обыденных национальных картин мира (под влиянием т.н. "общечеловеческой"), так и проникновения национально специфицированных элементов обыденных когнитивных систем в "общечеловеческую"» [3, с. 220–221].

В целом же проблема иерархии языковых миров достаточно тесно связана с проблемой определения категорий и выяснения механизмов работы индивидуального и общественного сознания. Язык в данном контексте выступает в роли определенного инвариантного механизма, общего для индивидуального и всех видов общественного сознания, одним из способов их существования. Язык является тем стержнем, на который нанизываются индивидуальные представления, ценности, мировоззрения, объединяющиеся на

основе сформировавшихся в культурогенезе данного этноса или социальной группы общественных ценностей.

Библиографический список

1. *Витгенштейн Л.* Философские исследования / Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
2. *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
3. *Лещак О. В.* Методологические основы функционального исследования языковой деятельности (на материале славянских языков): Дис. д-ра филол. наук. Тернополь: Тернопольский гос. пед. ун-т, 1997. 528 с.
4. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира: коллективная монография / Отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. 216 с.
5. *Хомский Н.* Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли / Пер. с англ. Предисл. Б. П. Нарумова. М.: КомКнига, 2005. 232 с.

References

1. *Wittgenstein L.* Filosofskie issledovanija / Vitgenshtejn L. Filosofskie raboty. Ch. 1. / Per. s nem. M. S. Kozlovoj i Ju. A. Aseeva. M.: Gnozis, 1994. 612 s.
2. *Kornilov O. A.* Jazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov. M.: CheRo, 2003. 349 s.
3. *Leshhak O. V.* Metodologicheskie osnovy funkcional'nogo issledovanija jazykovoj dejatel'nosti (na materiale slavjanskih jazykov): Dis. d-ra filol. nauk. Ternopol': Ternopol'skij gos. ped. un-t, 1997. 528 s.
4. Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke. Jazyk i kartina mira: kollektivnaja monografija / Otv. red. B. A. Serebrennikov. M.: Nauka, 1988. 216 s.
5. *Chomsky N.* Kartezianskaja lingvistika. Glava iz istorii racionalisticheskoj mysli / Per. s angl. Predisl. B. P. Narumova. M.: KomKniga, 2005. 232 s.